

Шалапин Редор Иванович
(орестива)

6.3.02

КАЗАНЬ

Тяжела ты, шапка Мономаха

Куштура. —
2002-28 февр.-6 марта. — с.4

Шалапинский фестиваль — XXI

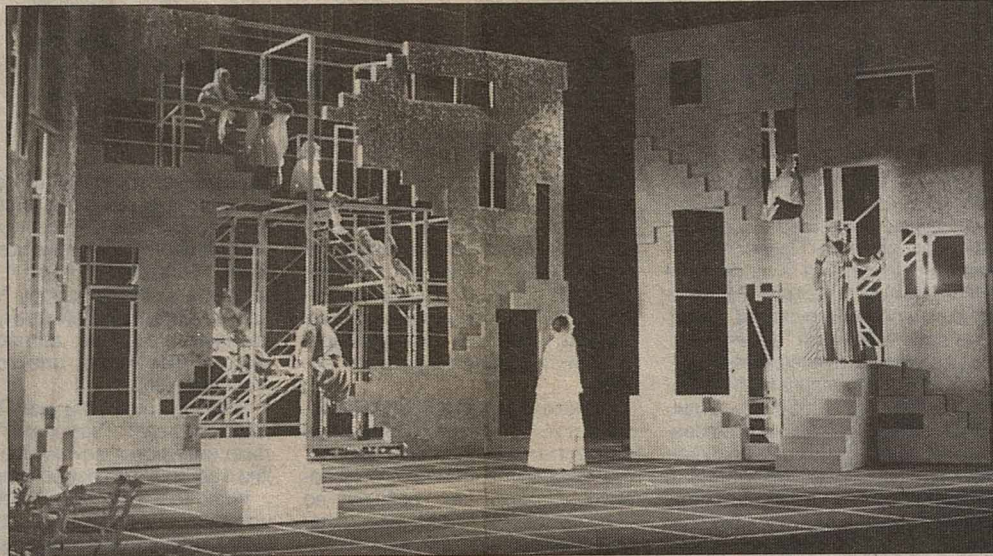
Наш бог — публика. Наши вкусы — классический шлягер. Наша иерархия театральных ценностей: певец — художник — режиссер, где первому все, последнему — что останется. Провозгласив эти постулаты, Татарский академический театр оперы и балета записался в традиционалисты. Чем нимало не смутился — и правильно. Сегодня, в эпоху режиссерского театра, петь традицию чуть не отвага. Но одно дело услышать: «А подите вы со своей бейсболкой, у нас есть шапка Мономаха», другое — увидеть, как сей драгоценный убор носится.

...Будут на XXI Шалапинском фестивале (который есть плоть от плоти Татарского театра) спектакли качеством и повыше. Но начинался он «Борисом» и «Аидой». Вешицами, как и прочие на этом фестивале, репертуарными. Эксклюзивность им должны были сообщить гастролеры. Но брильянтов среди тех одиннадцати, что населили «Бориса» с «Аидой», на этот раз не нашлось. Где-нибудь у Колобова или Исаакяна — беда небольшая. Но в Казани не прикрытые вокальным блеском спектакли явили собой совершенную нищету.

Не то чтобы «Годунов» Баратова-Федоровского, девять лет назад перенесенный со сцены ГАБТа, потерял в пышности (хотя и задник натянут кое-как, и парики свалились). Обобрали оперу по части формы и духа. Купюр не счесть. Включая отмену ключевого первого Пролога. «Обстоятельства!» — вздыхает по поводу этой потери оперное начальство, ссылаясь на порчу декораций во время гастролей. «Деньги, — шепчет народная молва. — Прокатававшие спектакль голландцы навязали театру свой хронометраж». Но как бы то ни было, выставить такого «Бориса» что подат к столу протухшей икорки: «Кушайте, гости дорогие. Нет народного вопля, нет слезных прибавок царской мамки, нет Рангоны, но есть выдающийся Борис». Между тем Борис (мариинец Владимир Ванев) сшибал столы, рвал на груди рубаху и пол-оперы искал верный, басово окрашенный тон. Не то чтобы певец не знал: можно сыграть подругому. Знал и играл. Но в Казани, предоставляющей гастролеру почти абсолютный карт-бланш в лепке образов, каждый на скорую руку лепит

тот единственный, который ему по душе. А по душе Ваневу оказался близнец расстриги Варлаама. Буянит, пьет, льет пьяную слезу. Разница между казанскими братьями заключалась лишь в двух моментах. Первый: у Бориса «пьет, льет» в подтексте, у Варлаама — на виду. Второй: Ваневу в искусстве крушить — не столы, но музыку — до москвича Станислава Сулейманова было далеко. Тот, подчистую загубивший партию расстриги, даже перекреститься ухитрился поперек Мусоргского — на католический манер. А когда на следующий день, изображая Царя Египта, Сулейманов не явился на отчаянный зов оркестра (заблудившись в кулисах), стало ясно: вот символ если не всего фестиваля, то двух его спектаклей. Рвал на безликие клочки вердиевскую партитуру питерский дирижер Виктор Соболев, выдавливая из себя Аиду Людмила Магомедова, пел статику и штамп многообещающий Михаил Казаков (Пимен, Рамфис), набрасывал карикатуру на Амонасро Виктор Черноморцев, «блистали» несостоятельностью Сергей Кунаев (Радамес), Ирина Чистякова (Амнерис) и Лариса Костюк (Миниш). Но никто так лаконично и эффективно, как Сулейманов, не «сказал»: Мусоргский здесь стал шутком, а Верди к вам не заходил. Катастрофа — учи-

Сцена из спектакля «Свадьба Фигаро». В.Иванов — Фигаро, Т.Мазуренко — Сюзанна

тая, что «Борис», по сути, визитная карточка Шалапинского фестиваля, а покойнице «Аиде» нет и трех лет. И уже снимешь шляпу, глядя на уходящий в пучину казанский «Титаник», — ан нет! На горизонте — спасательный барк под нидерландским флагом.

Не год и не два прокатывала по Северной Европе спектакли Татарской Оперы компания «Евростейдж», пока не созрела идея создать совместными усилиями три спектакля. При этом голландцы брались обеспечить постановочную команду, казанцы — оркестр и солисты. Один из спектаклей этого проекта (точнее, второй — под названием «Свадьба Фигаро») и явился на фестивале. Вместо сценарнографического гранд-стиля — минимализм евростандарта. Вместо заурядного оркестра — стильный ансамбль. Вокал — «причесан». Режиссурой — пахнет. Чисто небо в алмазах, если рассматривать спектакль в фестивальной контексте. Но вне его на каждое «ура» найдется свое «увы».

Как ни обаятелен был Моцарт, сотканый голландским дирижером Винсентом де Кортон из легких па и куртуазных улыбок, а и он наскучивал — отсутствием драматургических кульминаций, которых маэстро, боготворивший частности: ноту, лигу, люфтваузу, не заметил. Как ни старались высоко прыгнуть соли-

сты, но яркой кометой на моцартовском небосклоне не запечатлелся никто — даже испытанный Альмавива из Мариинки Владимир Самсонов, даже любимица здешней публики Нуржамал Усенбаева (Розина). Как ни свежа была для Казани сценарнография Мишеля Вермерена и Ферри Шмидта, а и она уже мировой штамп, велящий прихотливое моцартовское рококо прикрыть визуальной сдержанностью грядущего века Просвещения (из боязни сделать масло масляным?). Вот и Вермерен со Шмидтом покрасили «Свадьбу» в серый, расцветив тотальный мышинный колор редкими пятнами красного, черного, белого. В чем нет никакой опасности, если за дирижерским пультом пылкий художник, а в режиссерах комедиограф от Бога. Нет их — серый станет цветом всей постановки. Что и произошло в Казани, получившей от «Евростейдж» осторожного реставратора де Корта и буку Дэвида Принса. Слишком долго проходил в подмостках (у Купфера, Селларса, Покровского и других режиссеров), Принс так и не обрел собственного лица. Как закомплексованный подросток, оказавшийся в обществе взрослых, он весь вечер просидел в тени, решившись лишь на пару недурных анекдотов. Поэтому «пульсирующий ритм», сквозное дыхание,

«скульптурная лепка мизансцен» — не про его «Свадьбу Фигаро». Но эти эпитеты есть куда переадресовать. А именно — спектаклю, который, не будучи представленным на фестивале, читай: в панораме казанской оперной жизни, тем не менее стал ее пиком. Речь о первой совместной постановке Татарской Оперы и «Евростейдж» — о «Фальстафе».

По условиям контракта, родившись год назад в Казани и «прокатившись» по зарубежью, спектакль почил. Но сохранилась видеозапись, сказавшая не в пример яснее «Свадьбы Фигаро», куда собралась походом оперная Казань. Не на революционные баррикады. Хотя чем не революция декорация «Фальстафа», представляющая собой незатейливые мужские панталоны во весь задник. Но за легким шокм последует приятная встреча с пышными костюмами и «классической» режиссурой, которую отличает от виданного в Казани, в сущности, одо- талант мастера (Эрика Веса). Татарская Опера, как ни боялась собственной смелости, решаясь на эксперимент с голландцами, по-прежнему держит в руках шапку Мономаха. Но — не отказываясь от ее модернизации. Тоже путь, не хуже прочих.

Лариса ДОЛГАЧЕВА